

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 9

«ЯЗЫК КАТАСТРОЙКИ»

Александра Венглинская

Сезон 9 · материалы № 87–97 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Сначала он написал записки в ЦК
2. Обвинение построили на портрете лучшего
3. Записка для генерального секретаря вышла в толстом журнале
4. У цензуры претензий не было. Роман остановили письма
5. Разрешение читать противника давал директор лично
6. Двое из одного института. Через двадцать лет — по разные стороны танкового прицела
7. Второе слово
8. Двадцать первое сентября: одинаковая оценка, противоположные поступки
9. Тринадцать месяцев
10. Знамя
11. Строй демонтировали за четыре года

Сначала он написал записки в ЦК

№ в серии: 87 из 233 · № в сезоне: 1 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 30.12.2026 · ЖЖ: 12.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

В 1974 году он отправил в руководящие органы СССР несколько записок: страна вошла в первый системный кризис, кризис требует политики. С выводом категорически не согласились, автора обвинили в близорукости и злопыхательстве. Книга, за которую его вышлют из страны, написана после этого.

Мне неудобен этот свидетель. Его исключили из института за высказывания против культа личности, он скрывался от органов, а через сорок лет его выслали из страны за книгу. Если бы я подбирала удобного, я взяла бы другого.

Именно поэтому он мне и нужен. Против него не работает единственное возражение, которым отводят весь разговор о конце Советского Союза: автор ностальгирует, автор защищает своё.

КТО

Родился в 1922 году в Костромской губернии, в крестьянской семье, шестым из одиннадцати детей. Школа с отличием, МИФЛИ — главный гуманитарный вуз страны. Исключён за высказывания против культа личности, по собственному рассказу скрывался.

Война. Летал на штурмовике, имел боевые награды.

Дальше логика и философия. К шестидесятым — один из тех, кем обозначалось возрождение философской мысли в СССР, специалист по методологии научного исследования с международной известностью.

Профессиональный логик. Человек, обученный проверять, следует ли вывод из посылок.

1974

Записки в руководящие органы. Указание на необходимость перемен. Вывод: Советский Союз вошёл в первый системный кризис — закономерный с точки зрения развития политической, социальной и экономической материи, — и кризис требует определённой политики.

Руководство с выводом категорически не согласилось. Предложения проигнорировали. Автора обвинили в близорукости и злопыхательстве.

По свидетельству вдовы, «Зияющие высоты» возникли как результат осознания: если сделать ничего нельзя, надо хотя бы проанализировать происходящее и дать ему беспристрастную оценку. Диссидентских установок насолить своей стране у него не было — было желание, чтобы страна, пройдя через неизбежные изменения, преобразилась к лучшему.

Записок 1974 года в открытом доступе нет, и за проверенный текст я их не выдаю. Последовательность фиксируется независимо: сначала попытка по инстанции, потом отказ, потом книга.

1976–1978

Июнь 1976-го: его в очередной раз не выпускают за границу, на логический коллоквиум в Финляндии. Он приглашает домой западных журналистов, делает заявление о свободе слова, сдаёт партийный билет.

Август 1976-го: «Зияющие высоты» выходят в Швейцарии.

Дальше — без работы и без средств, распродают домашнюю библиотеку.

1978-й: высылка и лишение советского гражданства. Вместе с гражданством — учёные степени, звания и все награды.

Включая фронтовые.

Человека, воевавшего в небе, лишили того, что он получил в небе, — за книгу. Это решение системы, и это её ошибка, из тех, которые ей потом и предъявят. Сезон будет разбирать, как страну переписали чужими словами; материал для такого переописания она давала сама.

И НА ТОЙ СТОРОНЕ

На Западе он не вписался тоже.

По его собственному рассказу: диссидентом себя не считал и не желал оказываться под эмигрантским контролем — точнее, под влиянием западных спецслужб, содержавших эмигрантские «партии». Роли там были расписаны на годы вперёд: этот гений, этот полугений, этот вечный кандидат в гении. В табель он не вписался.

Русскоязычные издательства отказались печатать его книги.

Это его свидетельство, лицо заинтересованное, документа нет.

Но результат виден без документа. В Советском Союзе тираж назначали разнарядкой на бумагу. В эмигрантской издательской среде — местом в иерархии. Механика разная, действие одно: доступ распределяли обе стороны, и он выпал из обеих.

ДЕКАБРЬ 1984-ГО

Горбачёв прибыл с визитом в Великобританию. По партийно-правительственному протоколу полагалось посетить могилу Маркса. Он туда не пошёл — отправился сначала на приём к королеве, потом на встречу с премьер-министром.

Александр Александрович Зиновьев, по воспоминанию жены, сказал тогда: это начало величайшего предательства.

Воспоминание, не стенограмма. Но наблюдение построено не на агентурных данных, которых у него быть не могло, и не на догадке о вербовке. На отклонении от протокола — факте, доступном любому, кто смотрел новости.

О ЧЁМ СЕЗОН

В апреле 1987 года в научно-популярном журнале с тиражом за три миллиона появилось словосочетание, которым Советский Союз описан в школьных учебниках до сих пор.

Годом позже, в парижском эмигрантском журнале, появилось другое слово — про то же самое, с обратным знаком. По-русски дома его прочли

в 1990-м, когда первое уже победило.

Десять материалов о том, почему победило одно, а не другое, и что за этим последовало.

Предыдущий сезон кончился формулой: система не разучилась защищать — ей запретили защищать от своих. Этот отвечает на вопрос, который там остался открытым: как определялось, кто «свой».

Человек предупредил по инстанции — его не услышали. Написал книгу — его выслали. Приехал туда, куда выслали, — его не стали печатать.

Что должно случиться с человеком, чтобы после всего этого он защищал строй, выгнавший его из страны?

Первый материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — апрель 1987-го, три слова из журнальной статьи и приём, на котором они построены.

Обвинение построили на портрете лучшего

№ в серии: 88 из 233 · № в сезоне: 2 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 01.01.2027 · ЖЖ: 14.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

В апреле 1987 года «Наука и жизнь» напечатала разбор недавно опубликованного романа. В разборе стояло словосочетание из трёх слов: административно-командная система. Тираж номера — около трёх с половиной миллионов при жёстко ограниченной подписке. Материал прошёл цензуру, как всякий другой. Через четыре года государства не стало.

Термину тридцать девять лет. Он в школьном учебнике, в газетной колонке, в разговоре людей, тогда не родившихся. Им пользуются даже те, кто о Союзе жалеет: объясняя гибель, называют причиной пороки административно-командной системы.

Он пережил журнал в прежнем виде, партию, распущенную в 1991-м, съезд, упразднённый в 1993-м, и само государство.

Автор — Гавриил Харитонович Попов, заведующий кафедрой управления экономического факультета МГУ, с 1978 по 1980 год декан. На момент защиты докторской в 1970-м — самый молодой доктор экономических наук в стране.

Журнал принадлежал обществу «Знание» и за три года до того получил орден Трудового Красного Знамени.

Дальше — про устройство инструмента, не про умысел автора. Умысел я не устанавливаю; устройство от этого не меняется.

ПОЧЕМУ СРАБОТАЛО

Слово с примерно тем же значением существовало давно. «Тоталитаризм» был в западном обороте десятилетиями. Внутри страны произнести его было невозможно — не столько из-за запрета, сколько из-за отражения: оно опознавалось как словарь противника, и употребивший его переставал быть участником разговора, становясь его предметом.

Три слова из апрельского номера устроены иначе.

Звучат как научная категория, а не как обвинение: административно-командная — про способ, система — про тип. Ни одного оценочного слова.

Произведены внутри страны. Профессором того самого университета, в журнале с орденом на титуле, через цензуру.

Ни иностранного происхождения, ни диссидентской подписи, ни враждебной интонации. Отражать нечего — термин не приходит извне.

И делает работу, которой не сделало бы обвинение: переводит строй из разряда данностей в разряд типов управления.

Данность не обсуждают. Тип управления сравнивают, оценивают по эффективности, признают устаревшим и заменяют.

Всё, что произойдёт за следующие четыре года, содержится уже в этой операции.

НА ЧЁМ ПОСТРОЕНО

Статья была разбором романа.

Александр Бек, «Новое назначение», только что напечатанный «Знаменем» после двадцати двух лет лежания. Автор умер в 1972-м, не дождавшись.

Прототипа Бек не скрывал: Иван Фёдорович Тевосян, при Сталине нарком, затем министр металлургической промышленности и чёрной металлургии, умерший в 1958 году.

Тевосян принадлежал к поколению, пришедшему в управление в начале тридцатых, когда место революционного стажера занял технический диплом, полученный внутри страны. Дмитрий Устинов. Вячеслав Малышев. Борис Ванников. Алексей Косыгин.

Инженеры, привязанные к отрасли и к измеримому результату. Работавшие на износ и умиравшие рано.

Лучшего управляющего слоя советская система за свою историю не произвела.

Портрет одного из них использован, чтобы назвать командной всю систему.

Приём безупречен. Обвинение, построенное на изображении вора, доказывает существование вора — и только: вор объявляется исключением. Обвинение, построенное на изображении лучшего — честного администратора, сломленного собственной службой, — доказывает, что дело не в людях, а в устройстве, и снимает вопрос об исключениях заранее.

Если гибнет лучший, виновата конструкция.

Указать на достойного человека нельзя: достойный уже предъявлен, и предъявлен как жертва.

ЦЕНА

Обнаружилась позже, и платил её не автор статьи.

Обвинение, распространённое на конструкцию целиком, не оставляет внутри неё ничего, что стоило бы сохранить.

Через четыре года выяснилось: вместе с системой управления списывается и всё, чем она управляла. Отрасли, институты, кадровые школы, проектные бюро. Само поколение инженеров — и умершее, и ещё работавшее.

Инструмент, устроенный так, чтобы на него нельзя было возразить, устроен и так, что его нельзя остановить на середине. Он не различает управление и управляемое.

Термин был устроен так, чтобы на него нельзя было ответить: не чужой, не оценочный, произведён своими, напечатан по правилам.

Что можно противопоставить слову без единого уязвимого места — кроме другого слова с таким же тиражом?

Второй материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — служебная записка с ограничительной пометой, подготовленная для генерального секретаря и напечатанная в толстом журнале.

Записка для генерального секретаря вышла в толстом журнале

№ в серии: 89 из 233 · № в сезоне: 3 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 03.01.2027 · ЖЖ: 16.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

Николай Шмелёв родился 18 июня 1936 года в Москве. Гавриил Попов — 31 октября того же года, тоже в Москве. Оба окончили экономический факультет МГУ: Шмелёв в 1958-м, Попов в 1959-м. В апреле 1987-го Попов напечатал статью, давшую строю имя. Через два месяца Шмелёв напечатал статью, ставшую программой.

«Авансы и долги» вышли в июньском номере «Нового мира» за 1987 год. Их перепечатывали западные журналы, обсуждали на всех уровнях, цитировали годами.

В основе текста лежали закрытые аналитические материалы под грифом «Для служебного пользования». Шмелёв готовил их для Михаила Горбачёва.

Они остались невостребованными.

Служебная записка, не понадобившаяся заказчику, была напечатана в журнале под редакцией Сергея Залыгина — назначенного в 1986 году решением высшего партийного руководства, одновременно с Виталием Коротичем в «Огоньке» и Григорием Баклановым в «Знамени».

Человек по службе готовит для главы государства анализ положения дел. Анализ главе государства не нужен. Тогда он несёт его в журнал — и анализ становится манифестом.

КАК ЭТО БЫЛО РАНЬШЕ

15 ноября 1972 года «Литературная газета» напечатала статью Александра Николаевича Яковлева «Против антиисторизма». Яковлев был первым заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК. По содержанию статья была безупречно ортодоксальной.

Секретариат ЦК вынес постановление: статья недостаточно выдержана в теоретическом и идейно-политическом отношении, и Яковлев, будучи ответственным работником аппарата ЦК, поступил неправильно, передав её для публикации без ведома ЦК КПСС.

РГАНИ, фонд 4, опись 22, дело 1062, лист 52.

Наказали не за содержание. За то, что продукт вышел наружу без визы. Яковлев поехал послом в Канаду на десять лет.

Теперь наложим июнь 1987-го.

Шмелёв выносит наружу материал с ограничительной пометой, подготовленный для первого лица. Не мнение и не эссе — документ.

И не происходит ничего.

Между двумя эпизодами — пятнадцать лет и одно изменение. Граница, отделявшая служебную мысль от публичной, исчезла. Не потому, что её прорвали снаружи, и не потому, что кто-то рискнул. Её снял тот же аппарат, который её проводил.

ЧТО СТАЛО С АВТОРОМ

Тираж «Нового мира» в 1987 году шёл на сотни тысяч, к 1990-му перевалил за два с половиной миллиона. Материал, рассчитанный на десяток читателей в аппарате, получил читателя, которого никто не планировал.

Шмелёв в политику не пошёл. В 1989-м был избран народным депутатом СССР — тем же созывом и на тех же выборах, что Попов, — и мандатом как трамплином не воспользовался.

Остался в науке. Институт экономики Академии наук, Институт экономики мировой социалистической системы у Олега Богомолова, Институт США и Канады у Георгия Арбатова. Докторская с 1969-го, профессор с 1977-го, член-корреспондент с 1994-го, академик с 2000-го. С 1999 года и до конца жизни — директор Института Европы. Умер 6 января 2014 года.

Академическая биография без единого разрыва.

ОДНА ФРАЗА

В сентябре 2009 года его спросили: стал бы он печатать «Авансы и долги», если бы знал, чем всё кончится?

Он ответил, что лучше писал бы про любовь.

Насколько мне известно, это единственный случай за всю историю вопроса. Из всех, кто изготавливал язык демонтажа — авторов терминов, редакторов, публицистов, экспертов, — он один публично сказал, что сделал бы иначе.

Не покался, не отрёкся, не объявил себя жертвой обмана. На прямой вопрос ответил прямо.

Слова не отменяют напечатанного. Ответ дан через двадцать два года, когда всё уже случилось и ничем не грозило: в 2009-м это было легко, в 1987-м было бы поступком.

Но остальные, у кого спрашивали, отвечали иначе — что всё было правильно, что иначе было нельзя, что виноваты обстоятельства, исполнители, случай, народ.

Один из всех.

ЧЕГО УСТАНОВИТЬ НЕ УДАЛОСЬ

Читал ли Горбачёв ту записку — неизвестно. Известно, что она осталась не востребовавшей. Невостребованность может означать, что документ не дошёл; что дошёл и был отложен; что был прочитан и признан неудобным. Документов, различающих эти три случая, нет.

Разница между ними огромна. Если не читали — бюрократическая потеря. Если читали и отложили — решение.

Записка, подготовленная для генерального секретаря и оказавшаяся ему не нужной, вышла в толстый журнал и стала программой. Заказчик ею не воспользовался. Язык, который она задала, работает до сих пор.

Что происходит с государством, в котором служебный анализ доходит до общества раньше, чем до заказчика?

Третий материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — три цифры, объясняющие о гласности больше всех споров о ней.

У цензуры претензий не было. Роман остановили письма

№ в серии: 90 из 233 · № в сезоне: 4 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 05.01.2027 · ЖЖ: 18.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

О перестроечной печати спорят тридцать пять лет и спорят всегда об одном: что печатали, кто печатал, с какой позиции. Есть параметр, о котором не спорят вообще, и он объясняет больше всех споров вместе взятых. Сколько экземпляров и на каких условиях подписки.

«Наука и жизнь». Орган Всесоюзного общества «Знание», в 1984 году награждён орденом Трудового Красного Знамени. Тираж восьмого номера за 1985 год — три миллиона. Второго номера за 1986-й — три миллиона четыреста тысяч. Подписной тираж на 1 января 1989 года — два миллиона двести семьдесят семь тысяч.

Подписка жёстко лимитирована: желающих больше, чем разрешённых подписок. Читателей у журнала заведомо больше, чем экземпляров, — номер идёт по рукам.

«Огонёк». К 1990 году — около четырёх с половиной миллионов. Подписка не ограничивается вовсе.

«Московские новости». По ограниченной подписке. Номер вывешивают на стенде у редакции на Пушкинской площади, и читать его приезжают специально, потому что достать негде.

Три издания. Три режима. Режим устанавливала не редакция.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ

Тираж в Советском Союзе не был результатом спроса.

Бумага фондировалась — распределялась по разнарядке и была дефицитом. Типографские мощности распределялись тоже. Подписные лимиты утверждались отдельно: существовал документ, устанавливающий, сколько подписок разрешено принять.

За каждой из приведённых цифр стоит чья-то подпись на разнарядке.

Объём распространения текста, разрушающего легитимность строя, был регулируемым государственным параметром. Не побочным обстоятельством, не следствием нехватки бумаги, не результатом читательского интереса.

Обычное объяснение — прорыв свободного слова через плотину цензуры — разбивается об одну вещь.

Содержание вырваться может. Редактор способен напечатать не то, чего от него ждали, — на свой страх, один раз, до последствий.

Тираж стихийным не бывает никогда. Ни один редактор не увеличит его самовольно: нужна бумага, которой у него нет, мощности, которыми он не распоряжается, и лимит, который утверждает не он.

Когда одному изданию подписку не ограничивают вовсе, другому ограничивают при спросе, заведомо превышающем предложение, а третьёе распространяют по квоте так, что его читают со стенда, — это не стихия. Это три разных решения.

Плотину не прорывали. Затвор открывали, на разную высоту для разных потоков.

РОМАН

Александр Бек сдал рукопись «Нового назначения» в «Новый мир» 15 октября 1964 года. Твардовский прочёл и подписал к публикации. 6 июля 1965 года рукопись ушла в набор.

У Главлита претензий не было. Цензура роман пропустила.

Бек давал рукопись читать знакомым, и она попала к вдове Ивана Тевосяна — того самого наркома, чей портрет писатель не скрывал. Письма пошли в ЦК, в Совет Министров, в цензуру и лично Косыгину.

Набор остановили.

Кто принял решение — ни в одном доступном документе не названо. Имени нет.

Семь лет Бек добивался публикации. Ответ, по свидетельству дочери, был всегда один: кто вам сказал, что роман запрещён?

Запрета нет. Разрешения тоже нет. Есть остановка, у которой нет автора, и потому её нельзя обжаловать.

В 1971 году книга вышла во Франкфурте-на-Майне, в эмигрантском издательстве. Автор увидел её на смертном одре и умер 2 ноября 1972 года.

Дома роман напечатали через четырнадцать лет — осенью 1986-го, через полгода после того, как государство назначило в журнал нового редактора.

Запрет и публикация — два решения одного распорядителя, принятые в разных обстоятельствах.

ДВА МАРШРУТА

Роман Бека ушёл на Запад в 1971-м и вернулся домой в 1986-м — чтобы в апреле 1987-го стать материалом, из которого изготовили имя для советского строя.

Повесть Зиновьева ушла на Запад в 1988–1989-м и вернулась в 1990-м, когда имя уже стояло в передовицах.

Один текст вернулся вовремя и сработал. Другой опоздал на три года.

Что кто-то рассчитал эти сроки, я не утверждаю: документа нет. Утверждаю то, что видно: вернулось вовремя то, что пригодилось.

Гласность обычно описывают как процесс: слово освобождалось, границы раздвигались, запретное становилось говоримым. Цифры описывают не процесс, а управление.

Если объём распространения был государственным параметром, а не следствием спроса, — чем измерять популярность идей той эпохи?

Четвёртый материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — кто и по какой процедуре получал право читать то, чего не читали остальные.

Разрешение читать противника давал директор лично

№ в серии: 91 из 233 · № в сезоне: 5 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 07.01.2027 · ЖЖ: 20.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

В мае 1986 года решением высшего партийного руководства сменили редакторов ключевых журналов. «Огонёк» получил нового главного после тридцати трёх лет предыдущего — тот сидел в кресле с 1953 года, за это время в стране сменилось четыре генеральных секретаря. Тогда же новых редакторов получили «Московские новости», «Новый мир» и «Знамя».

«Огонёк» — Виталий Коротич, после тридцати трёх лет Анатолия Софронова. «Московские новости» — Егор Яковлев. «Новый мир» — Сергей Залыгин. «Знамя» — Григорий Бакланов.

Теперь список того, что осталось прежним; он важнее.

Издания не сменили собственника. «Огонёк» остался изданием издательства «Правда», «Новый мир» и «Знамя» — органами Союза писателей, «Московские новости» — Агентства печати «Новости».

Не изменилось правовое положение. Ни одно не стало частным, независимым или самоуправляемым.

Не была отменена предварительная цензура. Главное управление по охране государственных тайн в печати продолжало работать, и всё напечатанное в 1986–1990 годах прошло через него.

Сменились назначенные лица.

ПОЛТОРА ГОДА

Июнь 1986-го, «Знамя», номер шестой. Андрей Платонов, «Ювенильное море». Написано в 1934-м. Пролежало пятьдесят два года.

Октябрь — ноябрь 1986-го, «Знамя». Александр Бек, «Новое назначение», с предисловием главного редактора. Роман закончен в 1964-м, пролежал двадцать два года.

Апрель — июнь 1987-го, «Дружба народов». Анатолий Рыбаков, «Дети Арбата».

Три рукописи, пролежавшие в сумме около столетия, за полтора года.

Общее у них не содержание, а обстоятельство, которое обыкновенно не отмечают: их выпустили те же самые государственные издания, что до того не выпускали, и провели через ту же самую цензуру, что до того не пропускала.

Не подпольная типография, не самиздат, не заграница. Изменилась подпись под сопроводительным листом.

ОТКУДА БРАЛИСЬ ЛЮДИ

Слой, из которого назначали, государство строило само, и строило по документам высшего уровня.

В 1957 году, после венгерских событий, создан Отдел ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран. Возглавил его Юрий Андропов — посол в Будапеште с 1954 года, из окна посольства наблюдавший, как социалистическое государство разваливается за две недели.

8 декабря 1967 года постановлением Президиума Академии наук № 925 создан Институт Соединённых Штатов Америки. Георгий Арбатов возглавит его на двадцать восемь лет. По его собственному объяснению, институт понадобился потому, что специалисты по Америке были у КГБ, но на них не полагался даже сам Андропов.

22 октября 1968 года — совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров № 828 «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук». На его основании учреждён ИНИОН; первым директором стал Лев Делюсин — работник того самого андроповского отдела.

Задача в названии постановления сформулирована прямо: добиться, чтобы советский обществовед знал зарубежную мысль лучше и быстрее.

Штат ИМЭМО: 210 человек в 1956 году, 739 в 1973-м, 979 в 1981-м. И 590 в 1992-м.

Не кружок, а отрасль. Росла впятеро, пока противостояние тянулось, и схлопнулась вдвое, как только предмет исчез.

ПОДПИСЬ НА БЛАНКЕ

В каждом научном институте, в каждом университете, в каждой публичной библиотеке существовал отдел специального хранения. Фонды регулярно пополнялись новинками зарубежной политической и научной литературы — она служила материалом для реферативных изданий.

Читать её можно было только по допуску.

Разрешение давал директор института лично. Виноградов в ИНИОН, Иноземцев в ИМЭМО, Арбатов в Институте США и Канады.

Право знать, что думает противник, не было ни общим достоянием, ни запретным плодом. Оно было выдаваемым правом: конкретный человек ставил подпись на бланке, и после этой подписи другой конкретный человек получал возможность читать то, чего не читали остальные.

Круг был очерчен, поимённо известен и невелик.

Отсюда два следствия.

Допущенный знал, что он допущенный. Сознание принадлежности к кругу, которому доверено то, что не доверено прочим, работает независимо от содержания доверенного: не важно, что именно в реферате, важно, что его читаешь ты, а сосед не читает.

И ответственности круга перед кем-либо, кроме подписавшего допуск директора, не существовало.

ПОЧЕМУ ЭТО НЕ ЗАГОВОР

Тайного центра для объяснения не требуется. Требуется понимание того, что кадровое решение в такой системе есть решение содержательное: назначая человека, назначают его взгляды — они известны заранее, иначе

бы не назначали. Дальше человек честно делает то, чего от него ждали, не получая никаких указаний.

Заговор можно раскрыть: у него есть участники, документы, точка входа. Здесь называть некого. Один подписал назначение, второй возглавил журнал и печатал то, что считал нужным, третий утвердил лимит подписки, четвёртый пропустил номер через контроль. Никто не вышел за рамки должности.

Результат получился такой, какого не добился бы никакой заговор.

Содержание может вырваться. Тираж не вырывается никогда. Поодиночке не хватает ни того, ни другого: содержание без тиража — это парижский журнал с тысячами читателей за границей, тираж без содержания — тот же «Огонёк» за прежние годы.

Сработало соединение. Сначала назначили людей, потом открыли затвор.

Если для смены описания целой страны достаточно четырёх кадровых решений и нескольких подписей на разнарядках — насколько прочно любое описание, которым страна себя объясняет?

Пятый материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — два человека из одного института, оказавшиеся через двадцать лет по разные стороны танкового прицела.

Двое из одного института. Через двадцать лет — по разные стороны танкового прицела

№ в серии: 92 из 233 · № в сезоне: 6 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 09.01.2027 · ЖЖ: 22.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

С 1971 по 1973 год Гавриил Попов вёл исследовательскую работу в Институте научной информации по общественным наукам. Его заместителем был Руслан Хасбулатов. Через двадцать лет первый подпишет постановление о сносе памятника на Лубянской площади, второго выведут из здания парламента и отправят в Лефортово. В 1971-м они сидели в одном институте и подписывали друг другу бумаги.

КУДА ОНИ РАЗОШЛИСЬ

Попов. Профессор с 1971 года, заведующий кафедрой управления экономического факультета МГУ, в 1978–1980 годах декан. С 1988-го главный редактор журнала «Вопросы экономики». В марте 1989-го народный депутат СССР. В июле 1989-го один из пяти сопредседателей Межрегиональной депутатской группы. В апреле 1990-го председатель Моссовета. В июне 1991-го первый мэр Москвы, 65,3 процента голосов.

Хасбулатов. Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой в Институте народного хозяйства имени Плеханова. В 1990-м народный депутат РСФСР, первый заместитель председателя Верховного Совета. С октября 1991-го председатель Верховного Совета Российской Федерации.

Двое из одного института — по двум ветвям власти.

АВГУСТ 1991-ГО

В ночь на 23 августа на Лубянской площади демонтировали памятник Дзержинскому. Толпа собиралась валить его тросами с грузовика — способ, грозивший обрушением: под площадью подземный переход и

коммуникации метро. Заместитель председателя Моссовета Сергей Станкевич вышел к собравшимся и попросил дождаться официального демонтажа. Городские власти срочно приняли постановление.

Постановление подписал мэр Москвы.

Законодательство 1978 года допускало снос памятников такого статуса только с разрешения союзного правительства, выдаваемого в каждом отдельном случае. Разрешения не было и не запрашивалось.

Осенью Президиум Моссовета издал постановление о переносе мемориальных сооружений в запасники — подвёл под уже совершённое основание задним числом.

Сначала действие. Потом основание.

Ровно то устройство, которое четырьмя годами раньше тот же человек назвал административно-командной системой и объявил главной бедой страны: распоряжение сверху заменяет закон, исполнение опережает основание.

Это не лицемерие характера. Это воспроизводство. Идеологию слой оставил, процедурную привычку унёс с собой.

ОКТАБРЬ 1993-ГО

21 сентября 1993 года издан указ № 1400 о поэтапной конституционной реформе. Верховный Совет во главе с Хасбулатовым квалифицировал его как государственный переворот.

4 октября между тремя и четырьмя часами утра подписан приказ о привлечении войск к штурму Дома Советов. Прибыли десять танков Кантемировской дивизии. Около шести здание оцепили, в 7:40 началась операция. Погибли не менее семидесяти четырёх человек.

Хасбулатова вывели из здания и отправили в Лефортово.

Попов роспуск Верховного Совета поддержал, публично признав при этом, что решение нарушало действовавшую конституцию. В ноябре 1993 года он был награждён медалью «Защитнику свободной России» — указ президента от 9 ноября, номер 1871.

ЧТО ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ

Ничего. Поэтому я об этом и пишу.

Существует устойчивая версия: некий круг людей, сформированный в закрытых институтах, действовал согласованно и привёл страну туда, куда планировал.

Двое из одного института, оказавшиеся в 1993 году по разные стороны танкового прицела, — первое и самое простое возражение против этой версии.

Единый замысел не выдерживает встречи с фактурой. Люди из одного круга, с одним допуском, читавшие одни рефераты, разошлись по враждующим лагерям — и один участвовал в разгроме учреждения, которое возглавлял другой.

Что круг был — доказано штатным расписанием. Что круг действовал как целое — не доказано ничем.

ЧТО ТОГДА ДОКАЗЫВАЕТ

Размер круга.

Людей, допущенных к чужой мысли по должности, было немного. Настолько немного, что через двадцать лет они оказались по обе стороны почти всех событий сразу: в мэрии и в парламенте, среди подписывающих и среди арестованных.

Это не заговор. Это кадровый резерв.

Государство отобрало и обучило слой, способный мыслить об устройстве государства как о предмете. Когда устройство рухнуло, разбирать обломки оказалось некому, кроме этого слоя, — просто потому, что больше никто не был обучен.

Вопрос не в том, сговаривались ли они.

Вопрос в другом: что происходит со страной, где единственные люди, умеющие думать о её устройстве, обязаны этим умением привилегии, а не присяге?

Шестой материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — второе слово: то, которое проиграло, и человек, который его сказал.

Второе слово

№ в серии: 93 из 233 · № в сезоне: 7 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 11.01.2027 · ЖЖ: 24.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

В 1988 году парижский журнал «Континент» напечатал тридцать две главы повести, написанной в Мюнхене. В 1989-м книга вышла на английском, немецком и итальянском. По-русски дома — в 1990 году, когда слово, придуманное годом раньше в Москве, уже стояло в передовицах.

Русское авторское название повести — «Перестройка в Партграде». За границей она вышла под другим заглавием, и именно оно осталось в языке: «Катастрофа».

Происхождение слова известно со слов вдовы. Пока писалась книга, в семье рефреном звучало слово «катастрофа». Однажды она спросила мужа, знает ли он, что перестройка по-гречески — «катастрофе». В этот момент перестройка превратилась в катастрофу.

Этимология в этой реплике вольная, филологией её объявлять не стоит. Существенно другое: оба слова сезона рождены не из анализа, а из фигуры речи. Одно — в разборе чужого романа, другое — в домашнем разговоре. Ни одно не было выведено, оба были найдены.

Разошлись они не качеством.

КУДА УКАЗЫВАЕТ СЛОВО

Термин 1987 года утверждает: строй порочен по устройству и потому подлежит замене.

Термин 1988-го утверждает другое: с работающим строем производят катастрофу, и катастрофа эта — не свойство строя, а результат действий.

Разница не в оценке. Разница в том, куда указывает слово.

Первое указывает на конструкцию. Второе — на действие и, следовательно, на действующих.

У конструкции нет автора. У действия автор есть.

КАНАЛОМ

Первое слово: журнал общества «Знание», подписной тираж три с половиной миллиона, распространение по всей стране, доставка в почтовый ящик, цензура пройдена штатно.

Второе слово: эмигрантский журнал, издающийся в Париже, — несколько тысяч читателей, почти все за пределами страны. Дальше книжные издания на трёх иностранных языках: прекрасно для международной репутации автора, никак для русского читателя. И только на третий год — по-русски дома.

Никто ничего не запрещал: к 1988–1990 годам печатали и не такое.

Разница не в качестве. Разница в пропускной способности.

БЕРЛИН, ИЮНЬ 1999-ГО

Перед возвращением в Россию после двадцати одного года эмиграции Зиновьев дал интервью Виктору Лупану. Беседа состоялась в Берлине, в сокращённом виде напечатана французской газетой «Фигаро» 24 июля 1999 года. По-русски её долго не было вовсе; перевод появился много позже и разошёлся по сети, а не по подписке.

Он утверждает там, что советский коммунизм рухнул не в силу внутренних причин, и называет его развал величайшей победой в истории Запада — победой, открывающей возможность власти планетарного масштаба.

Дальше — то, чего от него не ждали ни там, ни здесь. Конец коммунизма означал и конец демократии: эпоха не просто посткоммунистическая, она постдемократическая, и происходящее следует называть тоталитарной демократией. Во время холодной войны демократия была оружием в борьбе с противником; оружие нужно, пока есть противник.

Слово, которое в 1987 году нельзя было произнести внутри страны, потому что оно отражалось вместе с говорящим, — через двенадцать лет применено им к победителю.

Слово не отменяют. Слово перенаправляют.

С ЧЕМ Я НЕ СОГЛАСНА

Главный тезис интервью я считаю неверным.

Утверждение, что советский коммунизм рухнул не в силу внутренних причин, проверки не выдерживает. Внутренние причины были и были тяжёлые: сырьевая зависимость, технологическое отставание, дефицит бюджета, кризис легитимности.

Внешнее давление было условием. Внутренний кризис — средой. Решение — поступком. Три разные вещи, и ни одну нельзя вычесть.

Зиновьев вычитает две из трёх, и здесь у него вывод шире посылок — что для профессионального логика странно вдвойне.

Но ошибиться в весе фактора и не заметить фактор — разные ошибки. Вторая тяжелее.

ОДНО МЕСТОИМЕНИЕ

Самая известная его фраза существует в обороте в двух видах.

«Целились в коммунизм, а попали в Россию» — целились одни, говорящий указывает на них со стороны. Обвинение.

«Мы целились в коммунизм, а попали в Россию» — говорящий включает себя в число стрелявших. Признание вины.

Добавленное местоимение не смягчает обвинение. Оно его отменяет: в первой версии есть виновные и есть свидетель, во второй виновных нет вовсе — есть общая беда, в которой участвовали все, а значит, спрашивать не с кого.

Сам Зиновьев возражал против приписываемой ему версии и на прямой вопрос отвечал коротко: мы не метили.

Вдова заявляет то же: местоимения в формулировке не было изначально и быть не могло; сказана фраза была в частной беседе с Петром Паламарчуком.

А теперь осложнение, которое я обязана предъявить.

Версия с местоимением существует не как искажение. У неё есть свой автор. Владимир Максимов — писатель, высланный из СССР, основатель и главный редактор журнала «Континент». После распада Союза он занял позицию, которой от него не ждали, и именно ему приписывается формула в первом лице.

Максимов имел право сказать «мы»: он был внутри той среды, о которой говорил, — он её редактировал.

Зиновьев права сказать «мы» не имел и потому не сказал: его выбросили и оттуда, и отсюда.

В обороте закрепились третья фраза, которую не говорил ни один из них. Признание одного вложили в уста другого — того, кто именно от этого признания отказывался.

И журнал, который редактировал Максимов, — тот самый «Континент», напечатавший в 1988 году тридцать две главы «Катастройки». Слово Зиновьева вышло к людям через издание Максимова. Фраза Максимова закрепились в языке под именем Зиновьева.

Кто, когда и зачем впервые соединил две фразы — установить нельзя, документа нет. Возможно, никто и не соединял: две похожие формулы, ходившие в одно время, могли слипнуться сами.

Установить можно другое: обе версии существовали, принадлежат они разным людям, тот, кому приписывают версию с местоимением, при жизни от неё отказывался, и разница между версиями меняет смысл на противоположный.

У самой известной формулы эпохи нет ни бесспорного текста, ни бесспорного автора.

Если в самой цитируемой фразе о конце нашей страны можно поменять смысл на противоположный одним местоимением — и за тридцать лет этого не заметили, — что вообще следует считать сказанным?

Седьмой материал сезона «Язык катастройки», всего 11. В следующий раз — один день, в который двое дали одинаковую юридическую оценку

одному документу и поступили противоположно.

Двадцать первое сентября: одинаковая оценка, противоположные поступки

№ в серии: 94 из 233 · № в сезоне: 8 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 13.01.2027 · ЖЖ: 26.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы, Рука Москвы, Несокрушимая и легендарная

21 сентября 1993 года в 20 часов обнародован указ № 1400 о поэтапной конституционной реформе. В этот же день произошли два отказа. Оба задокументированы, оба обыкновенно не упоминаются рядом.

Первый — коллегии Министерства обороны: армию внутри страны использовать отказались. Второй — министра внешних экономических связей Сергея Глазьева: он назвал указ антиконституционным и подал в отставку, единственным из тридцати человек правительства.

ПЕРВЫЙ ОТКАЗ

Министр обороны Павел Грачёв — на этом посту с мая 1992 года — провёл экстренное заседание коллегии министерства. Обсуждался единственный вопрос: позиция Вооружённых сил в случае резкого обострения обстановки внутри страны.

Руководство министерства и командиры воинских частей категорически отвергли возможность использования армии.

Эту строку стоит прочитать медленно, потому что она неудобна обоим сторонам спора о девяносто третьем.

Военное ведомство, созданное 7 мая 1992 года — то есть существующее меньше полутора лет, — укомплектованное офицерами, чья карьера начиналась в советской армии, поставленное перед выбором между президентом и парламентом, выбрало неучастие.

Не поддержало Верховный Совет. Не поддержало президента. Отказалось быть инструментом.

ВТОРОЙ ОТКАЗ

В тот же день министр внешних экономических связей Сергей Глазьев — работавший в правительстве Гайдара и оставшийся в кабинете Черномырдина — отказался выполнять указ, назвав его антиконституционным, и подал прошение об отставке.

Он был единственным членом правительства, поступившим так. Правительство насчитывало тогда около тридцати человек.

Жестом это не было: ещё 20 марта 1993 года, на экстренном заседании правительства, он выступал против указа об особом порядке управления страной.

Ему тридцать два года. Родился 1 января 1961-го, экономический факультет МГУ окончил в 1983-м, докторскую защитил в 1990-м, в двадцать девять лет, министерский пост получил в ноябре 1992-го.

Уходя, он терял всё, что успел получить, и не приобретал ничего.

ТРЕТЬЕ СУЖДЕНИЕ

О том же указе высказался ещё один человек.

Гавриил Попов — автор термина, напечатанного в апреле 1987-го, мэр Москвы с июня 1991-го по июнь 1992-го — поддержал роспуск Верховного Совета, публично признав при этом, что решение нарушало действовавшую конституцию.

Положим два суждения рядом.

Глазьев: указ антиконституционен — следовательно, я его не исполняю и ухожу.

Попов: указ нарушает конституцию — следовательно, я его поддерживаю.

Фактическая оценка совпадает дословно. Оба констатировали неконституционность. Никакого расхождения в анализе, в квалификации, в понимании происходящего.

Поступки противоположны.

Обыкновенно расхождение людей в такие моменты объясняют разницей во взглядах или в информированности. Здесь ни то ни другое не

работает: оба видели одно и то же и называли это одинаково. Оба — доктора экономических наук, оба с одного факультета, оба умели читать нормативный акт.

Различие лежит не в знании и не в анализе.

Оно лежит в том, считает ли человек установленный им самим факт обязывающим себя — или сведением, которое надлежит учесть при выборе стороны.

Для одного «это нарушает конституцию» есть конец разговора: дальше следует заявление об отставке. Для другого — обстоятельство, которое можно назвать вслух, не меняя решения, потому что решение принимается по другим основаниям.

ОДИН ФАКУЛЬТЕТ

С 1971 по 1988 год кафедрой управления экономического факультета МГУ заведовал Попов, в 1978–1980 годах он был деканом.

В эти же годы на факультете учились Егор Гайдар, окончивший его в 1978-м, и Глазьев, окончивший в 1983-м. Раньше их обоих тот же факультет окончил Николай Шмелёв.

Одно место. Одно десятилетие. Три расходящихся терминала: автор термина, автор шоковой терапии и её последовательный противник.

Никакая теория среды этого не объясняет. Воспитание, образование, круг общения, доступ к литературе — всё было общим.

ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ

Что происходило между 21 сентября и 4 октября внутри военного ведомства — предмет, по которому документов нет. Мемуары участников противоречат друг другу, стенограмм второго заседания коллегии в открытом доступе нет. Известны две точки: коллегиальный отказ в первый день и письменный приказ в последний.

Между тремя и четырьмя часами утра 4 октября президент подписал приказ о привлечении войск Министерства обороны к штурму Дома

Советов. По указанию Грачёва в Москву прибыли десять танков Кантемировской дивизии; вошли подразделения Таманской дивизии, 27-й отдельной мотострелковой бригады, парашютно-десантных полков и дивизии внутренних войск.

Около шести утра здание оцепили. В 7:40 началась операция. В тот день погибли не менее семидесяти четырёх человек.

Позицию, занятую коллегиально и в присутствии министра, изменил не разговор и не убеждение. Её изменил письменный приказ первого лица, подписанный в четвёртом часу ночи.

И ТО, ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ С АВТОРОМ ТЕРМИНА

Декабрь 1993-го: движение, которое он возглавляет, получает 4,08 процента и не преодолевает пятипроцентный барьер.

1995-й: 0,13 процента.

1999-й: 0,08 процента — худший результат из всех участвовавших списков.

От 65,3 в июне 1991-го до восьми сотых за восемь лет.

Язык при этом победил абсолютно и стоит в школьном учебнике до сих пор.

Идеологический работник незаменим ровно на протяжении той фазы, когда производится язык: пока имя не дано, перемена непроизносима. Как только имя дано и усвоено — оно работает само, и автор становится избыточен.

Не изгнан. Не наказан. Не разоблачён. Просто больше не нужен.

При этом институты остались: президент Международного университета в Москве с 1992 года, президент Вольного экономического общества России с января 1992-го, Международный союз экономистов, Международная академия менеджмента, Фонд Плеханова. С сентября 2011 года — общественный советник мэра Москвы. Ему восемьдесят девять, и он при должности.

Его не задвинули. Его вывели из нарратива, сохранив в институтах.

Один человек в правительстве из тридцати. Одно военное ведомство, отказавшееся коллегиально и уступившее письменному приказу за тринадцать дней.

Если разница между людьми лежит не в знании и не в анализе — то в чём она лежит и когда она возникает?

Восьмой материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — присяга: три редакции, пятьдесят четыре года и одна строка, прожившая тринадцать месяцев.

Тринадцать месяцев

№ в серии: 95 из 233 · № в сезоне: 9 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 15.01.2027 · ЖЖ: 28.02.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

5 января 1992 года, через одиннадцать дней после того, как Советский Союз перестал существовать, Президент Российской Федерации подписал Указ № 7 о тексте Военной присяги.

В нём была строка, которой не было ни в одном советском варианте и которая больше не появится ни в одном российском: клянусь не применять оружие против своего народа и законно избранных им органов власти. Через тринадцать месяцев её не стало.

ЧТО БЫЛО ДО

Советская присяга утверждена Указом Президиума Верховного Совета 3 января 1939 года; действующая редакция — от 10 июня 1947-го. Порядок перечисления объектов верности не менялся ни разу за пятьдесят два года:

до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Народ первым. Правительство третьим.

Санкционная часть построена на том же основании: нарушившего клятву постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа. Судья назван прямо, и это опять народ — не партия, не орган власти, не командование.

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛАСЬ СТРОКА

Не по вдохновению составителей.

Ей предшествовало 9 апреля 1989-го в Тбилиси. 13 января 1991-го в Вильнюсе и 20 января в Риге. Август 1991-го в Москве, когда трое погибших в тоннеле на Садовом кольце в ночь на 21 августа стали первыми жертвами противостояния в столице.

Армию несколько раз применяли внутри страны — и текст присяги зафиксировал это прямым запретом. Первым же документом нового государства, через одиннадцать дней после его появления.

Запрет двойной, и вторая половина важнее первой. Не применять оружие против своего народа — почти очевидно. Не применять его против законно избранных народом органов власти — уже конструкция: представительные учреждения прямо названы объектом защиты, а не возможной мишенью.

Составители понимали, о чём пишут. За четыре месяца до того в Москве стреляли не в народ вообще, а вокруг здания, где заседали депутаты.

ТРИ ДАТЫ

5 января 1992 года. В присягу включена клятва не применять оружие против своего народа и законно избранных им органов власти.

11 февраля 1993 года. Законом № 4455-І установлен текст, в котором этой клятвы нет. Народ из первой позиции перемещён в перечисление защищаемого — наравне со свободой, независимостью и конституционным строем.

4 октября 1993 года. В Москве проведена операция по взятию Дома Советов с привлечением войск. Погибли не менее семидесяти четырёх человек.

Между второй и третьей датой — восемь месяцев без нескольких дней.

ЧЕГО Я НЕ УТВЕРЖДАЮ

Я не утверждаю, что строку изъяли в предвидении осени 1993 года. Материалов, позволяющих установить мотив разработчиков закона, нет: кто предложил новую редакцию, обсуждалось ли исключение строки, была ли она вообще предметом обсуждения — неизвестно.

Я не утверждаю также, что действия военнослужащих в октябре 1993 года образовывали нарушение присяги в юридическом смысле. К тому

времени действовал новый текст.

Больше того: Указ № 7 формально отменили только 14 сентября 1999 года — то есть шесть с половиной лет он сосуществовал с законом, устанавливающим другую формулу.

Каким текстом был связан конкретный человек, зависит от даты его приведения к присяге.

СТОЛБИК

1939 и 1947. Народ. Советская Родина. Советское Правительство. Судья — народ.

5 января 1992. Российская Федерация и её народ. Плюс прямой запрет применять оружие против народа и законно избранных им органов. Судья — закон.

11 февраля 1993. Родина — Российская Федерация. Защите подлежат свобода, независимость, конституционный строй, народ и Отечество. Запрета нет.

За пятьдесят четыре года — с января 1939-го по февраль 1993-го — народ прошёл путь из первой позиции, где он и объект верности, и судья, в перечисление защищаемого, между конституционным строем и Отечеством.

Это не заговор и не деградация. Это отражение произошедшего со страной, записанное языком, которым пишутся законы, и потому не подлежащее толкованию.

КТО КОГО РАСТОРГ

Присягу расторг не тот, кто её приносил.

Её упразднила сторона, которой присягали, — упразднила, перестав существовать. Причём перестав существовать вопреки прямому волеизъявлению граждан, высказанному 17 марта 1991 года: при явке около восьмидесяти процентов за сохранение Союза высказались свыше семидесяти шести.

Служащий не отрекался. Между 17 марта 1991 года, когда народ высказался, и 25 декабря 1991 года, когда над Кремлём спустили флаг, прошло девять месяцев и восемь дней. Его освободили от обязательства без его участия и без его согласия.

А народ, стоявший в тексте присяги первым и назначенный судьёй над клятвопреступником, свою волю выразил и остался ни с чем.

Клятва не стрелять в свой народ и в законно избранные им органы власти просуществовала в тексте российской присяги тринадцать месяцев.

Её написали после того, как в народ уже стреляли. Её не стало до того, как выстрелили снова.

Сколько живёт обязательство, которое сняли без участия того, кто его давал?

Девятый материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — один кадр, который видели все, и один документ 1920 года, показывающий, что бывает иначе.

Знамя

№ в серии: 96 из 233 · № в сезоне: 10 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 17.01.2027 · ЖЖ: 02.03.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы, Несокрушимая и легендарная

Октябрь 1993-го, Москва, сожжённый Дом Советов. Человек в военной форме рвёт красное полотнище. Вокруг стоят другие люди, многие тоже в форме. Никто не вмешивается. Разбираю не человека на кадре — я не знаю ни его имени, ни части, ни того, какой присягой он был связан. Разбираю тех, кто стоял рядом.

Место и время известны точно: Москва, октябрь 1993 года, здание с обгоревшими этажами за спиной. Здание, в котором двумя днями раньше заседал парламент и в котором в тот день погибли люди.

По кадру устанавливается два обстоятельства. Он в форме. И никто из стоящих рядом не остановил.

Больше по кадру не устанавливается ничего, и додумывать я не стану: подпись под фотографией источником не является. Но этих двух обстоятельств хватает, потому что они и есть предмет.

Люди в форме приносят присягу. Те, кто стоял вокруг, приносили её за несколько лет до этого — ту самую, где народ стоял первым и был назначен судьёй.

Никто не сделал шага.

КАК БЫВАЕТ ИНАЧЕ

2 мая 1920 года Революционный военный совет Республики издал приказ. Председателем Особого совещания при главнокомандующем всеми вооружёнными силами Республики назначался Алексей Алексеевич Брусилов — бывший Верховный главнокомандующий русской армией.

В состав совещания вошли бывший военный министр Российской империи Поливанов, военный министр Временного правительства Верховский, генералы Зайончковский, Клембовский, Парский, Гутор, Цуриков, Акимов, Балувев.

Верхний слой императорской армии — в органе при большевистском главкоме.

Их юридическое положение стоит разобрать точно.

Русский офицер присягал двум объектам: Государю и Отечеству.

2 марта 1917 года Государь отрёкся — первая присяга прекратила действие. Последовала присяга Временному правительству; оно перестало существовать 25 октября 1917 года — вторая прекратилась вместе с ним.

К 1918 году обязательство было расторгнуто дважды, и оба раза расторгнуто не ими.

Формальных препятствий обойтись с прежними знаками как с чужими у этих людей не было никаких. Они были свободны в полном юридическом смысле слова.

30 мая 1920 года, через двадцать восемь дней после приказа, «Правда» напечатала за их подписями воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились. Оно призывало забыть старые обиды и встать на защиту пределов России от польского наступления. Целью наступления называлось отторжение Литвы, Белоруссии, части Украины и Новороссии с портом на Чёрном море.

В сентябре того же года Брусилов подписал воззвание к офицерам армии Врангеля.

Большевикам он не сочувствовал и в воспоминаниях этого не скрывал.

Его собственное объяснение: он не мог понять, как русские генералы ведут свои войска заодно с поляками, и покуда Красная армия не пускает поляков в пределы бывшей России — ему с ней по пути.

Свидетельство заинтересованной стороны; отмечу только, что оно дословно совпадает с текстом возвания, написанного за три с половиной месяца до того.

ЧЕГО НЕТ В ИСТОЧНИКАХ

В Красную армию за годы Гражданской войны перешло, по разным подсчётам, от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч офицеров и генералов старой армии. Из семнадцати командующих фронтами в 1918–1922 годах большинство составляли бывшие кадровые офицеры.

И ни одного случая, когда бы кто-либо из этого слоя публично надругался над знаменем или гербом, которым присягал, установить не удалось.

Ни одного.

Полки переходили под другие знамёна. Погоны спарывались, ордена убирались в стол. Люди меняли форму, воевали против вчерашних однополчан, гибли и эмигрировали.

Но плевать в прежний знак нет ни в мемуарной литературе, ни в газетной хронике, ни в позднейших разоблачительных публикациях — где такой эпизод был бы находкой.

Отсутствие свидетельства не есть свидетельство отсутствия, и я не утверждаю, что такого не случилось никогда. Утверждаю, что этого нет в источниках — при том, что искали, и искали недоброжелательно.

ПОЧЕМУ

Объяснение через воспитание напрашивается первым и оказывается самым слабым. Оно необходимо предполагает, что качество человека определяется происхождением: дворянин не мог, а недворянин мог. Стоит принять это рассуждение — придётся принять его целиком, со всеми последствиями. Я его не приму.

Действительное объяснение лежит в устройстве присяги.

Объектов было два. Первый исчез. Второму никуда не делся.

Пределы России, Литва, Белоруссия, Новороссия, порт на Чёрном море — всё это существовало 30 мая 1920 года ровно в том же виде, что и 30 мая 1914-го. И в него шёл противник.

Обязательство не прекратилось, потому что уцелел объект, к которому оно относилось.

При таком устройстве зная надругательству не подлежит. Оно обозначает не павший режим, а то, что уцелело. Плюнуть в него значило бы плюнуть в предмет собственной нынешней службы.

У советского военнослужащего объект был назван тем же порядком и с большим основанием: народ стоял первым. Народ 17 марта 1991 года высказался и никуда не делся.

ТРОФЕЙ

Есть известный снимок августа 1991 года: двое городских начальников стоят у поваленного изваяния. Один положил руку на гранит. Второй смотрит вниз, в лицо статуи со сколотым носом.

Оба сделали карьеру внутри строя, который эта статуя изображала. Ни один из них не пострадал от того, что лежит у их ног.

Для позы, в которой они стоят, есть точное слово: трофей.

Не обломки — обломки вывозят на переплавку. Не музейный фонд — фонд хранят под описью, с реставратором, и у экспоната из фонда не бывает отколот нос.

Именно трофей: взятая вещь, сохраняемая как доказательство того, что взявший оказался сильнее.

И у трофея есть одно обязательное условие.

Предмет должен быть чужим.

Трофеи берут у противника. У своего берут наследство — а наследство не лежит на траве со сколотым носом, и над наследством не становятся, положив на него руку.

То же и со знаменем. Рвут только чужое.

ЧТО БЫЛО СДЕЛАНО РАНЬШЕ

И здесь смыкается весь сезон.

К тому моменту, когда человек в форме взялся за полотнище, работа была уже сделана — и сделана не им и не на площади.

Она была сделана в апреле 1987 года в журнале с тиражом три с половиной миллиона, когда строй перевели из разряда данностей в разряд типов управления. В июне 1987-го, когда служебная записка стала программой.

В мае 1986-го, когда назначили четверых редакторов. В мае 1991-го, когда из названия страны заменили одно слово, оставив аббревиатуру.

В феврале 1993-го, когда народ переместили из первой позиции в перечисление.

Ни одного запрета. Ни одного изъятия силой. Последовательная замена описания.

А когда описание сменилось, полотнище перестало быть своим — и стало вещью, которую можно рвать, а стоящим рядом не за что вступиться.

Сначала меняют описание. Потом обнаруживается, что защищать нечего.

Слой, чьё положение не скреплено присягой, при перемене обстоятельств не изменяет — ему нечему изменять. Он меняет принадлежность, и по его собственным правилам в этом нет проступка.

Партийный устав присягой не был. Комсомольский билет не был. Приказ о назначении не был. Учёная степень не была. Все эти документы — условия членства, и прекращаются вместе с членством.

А у стоявших вокруг присяга была. И объект в ней был назван первым.

Офицеры 1920 года были свободны юридически — и вернулись. Люди в форме в 1993-м были связаны присягой — и не вмешались.

Если разница не в воспитании и не в происхождении, а в том, назван ли объект, переживающий перемену обстоятельств, — то кто и когда этот объект называет?

И назван ли он сейчас?

Десятый материал сезона «Язык катастрофы», всего 11. В следующий раз — «Строй демонтировали за четыре года».

Строй демонтировали за четыре года

№ в серии: 97 из 233 · № в сезоне: 11 из 11 · Сезон: 9 «Язык катастрофы» · Дзен: 19.01.2027 · ЖЖ: 04.03.2027 · Теги: Историческая Россия, Язык катастрофы

Три слова, сложенные в апреле 1987 года, пережили журнал, партию, съезд, само государство и всю политическую биографию своего автора, уместившуюся в три года. Строй демонтировали за четыре года. Язык, которым его демонтировали, не демонтирован до сих пор.

22 апреля 2026 года Академии ФСБ вернули имя, отнятое в 1992-м. 11 сентября 2023-го у штаб-квартиры Службы внешней разведки поставили бронзовую копию памятника Вучетича — с прежним направлением взгляда. Дальше — про то, чем слово вытесняют, если запрет не работает.

РАЗНАЯ СКОРОСТЬ

От журнальной статьи до упразднения государства — четыре года.

Термин живёт тридцать девять лет и стоит в школьном учебнике.

Причина техническая. Государственная форма держится на документах, а документ отменяется другим документом — подписью, датой, номером. Категория, вошедшая в мышление, ни на чём таком не держится. Запретить можно высказывание. Категорию запретить нельзя: она не произносится, она применяется.

ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАЮТ

Не запрет.

Запрет не сработает по той же причине, по которой не сработал советский: двадцать пять лет рукописи не выпускали, а когда затвор открыли, они вышли разом и с утроенной силой. Запрещённое слово получает даром то, что оплаченному приходится покупать, — внимание.

Слово вытесняют другим словом, у которого есть тираж.

Так и победил термин 1987 года: конкурента никто не запрещал — он просто вышел парижским журналом против трёх с половиной миллионов

дома. Разошлись не качеством, каналом.

Значит, обратная задача решается тем же способом.

ПО ДАТАМ

11 сентября 2023 года у штаб-квартиры Службы внешней разведки в Ясеневе установлена бронзовая копия памятника Вучетича — почти точная, восстановленная сканированием. День выбран не случайно: годовщина рождения. Директор Службы, отвечая на вопрос о направлении взгляда, сказал, что памятник — точная копия и менять направление взгляда они просто не имели права.

Не «решили не менять». Не имели права. Это язык обязательства.

Раньше имя вернули дивизии оперативного назначения.

22 апреля 2026 года — указ о присвоении имени Дзержинского Академии ФСБ, у которой его отняли в 1992-м. Вступил в силу со дня подписания.

В декабре 2025 года депутаты обратились к мэру Москвы по поводу памятника на площади. В конце мая 2026-го появились сообщения журналистов о том, что решение принято.

Последнее — не документ: публикация со ссылкой на источники, официального подтверждения нет. Всё предыдущее — указы и объявленные церемонии с датами. Разница между этими двумя вещами и есть содержание всей моей работы.

Про самого Дзержинского здесь коротко, потому что материал не о нём. Основатель и первый руководитель органов государственной безопасности.

С января 1921 года — председатель Комиссии по улучшению жизни детей: беспризорность, которую в стране после двух войн считали неустранимой, была за несколько лет снята с повестки.

Нарком путей сообщения с 1921-го, когда транспорт лежал. Председатель Высшего совета народного хозяйства с 1924-го — то есть человек, которому поручили восстанавливать промышленность.

Умер 20 июля 1926 года, на пятьдесят девятом году, через несколько часов после выступления на пленуме.

Биография такого объёма требует отдельной работы, и она будет. Здесь — про операцию возвращения.

ПОЧЕМУ ЭТО ТИРАЖ

Имя, вписанное в устав учреждения указом, — это тоже тираж.

Оно попадает в бланк, в диплом, в вывеску, в служебную переписку, в обращение, в разговор. Не по чьему-то убеждению, а по процедуре — так же, как слово из журнала с трёхмиллионной подпиской попадало в разговор без всякого убеждения читателя.

В 1987 году тиражом назначили одно описание страны. Сейчас процедурой назначают другое.

И здесь единственное место, где я позволю себе надежду, но обосную её.

Надежда не в бронзе и не в самих именах. Надежда в том, как это делается.

В августе 1991-го было: сначала сделать, потом оформить. Сейчас — указ с датой, объявленная церемония, обращение, поданное по инстанции.

Если возвращать так же, как сносили, поменяется только знак, а механизм останется тот же, и мы получим ту же административно-командную систему, развёрнутую в другую сторону. Механизм, который я разбирала весь сезон, ломается не сменой знака. Он ломается процедурой.

Трофей нельзя вернуть — его можно только отдать, и отдающий признаёт этим поражение. Наследство возвращают, и это не победа и не поражение, а повторное опознание предмета как своего.

ТОТ, КТО ЕЩЁ ЛЕЖИТ

В парке на Крымском валу стоит гранитная статуя работы Меркурова — розовый гранит, 1938 год, три метра сорок. У неё отбиты нос и ступни.

Отбили при перевозке в начале девяностых: тяжёлый гранит роняли и волокли люди, которым было безразлично, что они волокут.

Ненависть бережна: она бьёт прицельно и знает, во что бьёт. Ломает безразличие — оно не выбирает, потому что не различает. Статую не разбили и не расплавили. Её везли как груз, и по дороге отвалилось то, что отвалилось.

Про эту фигуру никаких указов нет. Ни копии в ведомственном дворе, ни возвращённого имени, ни обращения депутатов. Мимо неё ходят люди, не знающие ни кто это, ни почему у неё нет носа.

А с этого имени всё и начиналось.

В феврале 1956 года его изъяли из речи — не спором и не доказательством, а решением. Если однажды имя можно вынуть из описания решением, то потом решением можно вынуть что угодно.

Историческая Россия пережила смену государственных форм — это установлено опытом трёх веков.

Но переживает ли она смену языка, которым сама себя описывает? Народ, продолжающий пользоваться категориями, изготовленными для его отрицания, — тот же самый народ или уже другой?

Ответа у меня нет. Есть наблюдение: язык возвращается тем же способом, каким уходил, — процедурой и тиражом. Значит, это работа, а не чудо. А работу можно делать.

Если язык возвращается процедурой и тиражом — чьей работой он возвращается сейчас?

Одиннадцатый, заключительный материал сезона «Язык катастрофы». Сезон окончен. Следующий — «Он».

СЕЗОН 10 · «ОН»

Материалов в сезоне: 14 · **Сквозные №:** 98–111 · **Дзен:** 20.01.2027 — 14.02.2027 · **ЖЖ:** 06.03.2027 — 01.04.2027